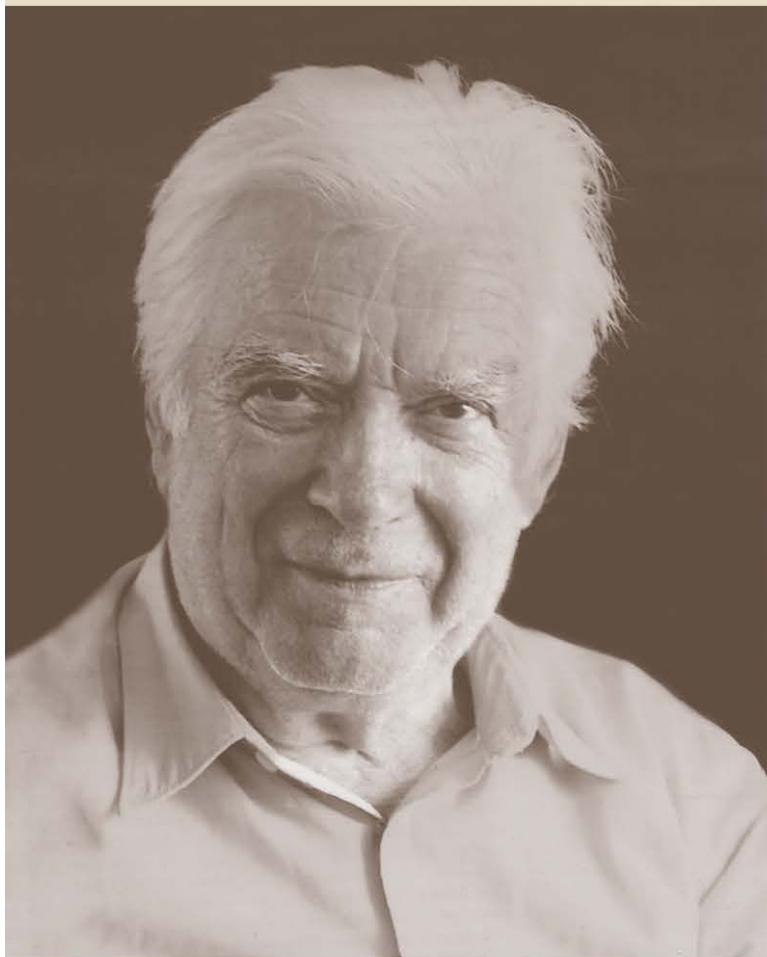
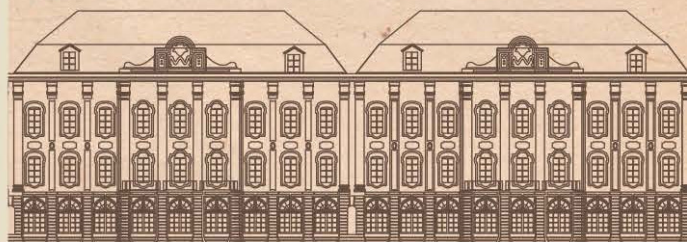

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Л. И. СЕЛЕЗНЕВ

ЧТО ПАМЯТЬ СОХРАНИЛА

Воспоминания

Леонид Селезнев

**Что память сохранила.
Воспоминания**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2019

УДК 929
ББК 70

Селезнев Л. И.

Что память сохранила. Воспоминания / Л. И. Селезнев —
«Санкт-Петербургский государственный университет», 2019

ISBN 978-5-288-05900-1

В книге воспоминаний заслуженного деятеля науки РФ, почетного профессора СПбГУ Л. И. Селезнева рассказывается о его довоенном и блокадном детстве, первой любви, дипломатической работе и службе в университете. За кратким повествованием, в котором отражены наиболее яркие страницы личной жизни, ощутимо дыхание целой страны, ее забот при Сталине, Хрущеве, Брежнев... Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 929

ББК 70

ISBN 978-5-288-05900-1

© Селезнев Л. И., 2019

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019

Содержание

Слово об авторе	6
Предки и родственники	8
Васкелово	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Леонид Селезнев

Что память сохранила: воспоминания

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

© Л. И. Селезнев, 2019

© В. Я. Фетисов, предисловие, 2019

Слово об авторе

Воспоминания зрелой личности о прожитой жизни редко оставляют читателя равнодушным – предлагаемые вашему вниманию мемуары подтверждают это негласное правило. Судьба автора данной книги была сопряжена со многими знаменательными событиями прошлого России. Диапазон воспоминаний весьма широк – от рассказа о семейных и дружеских отношениях до освещения отдельных сторон взаимодействия таких стран, как СССР, Индия и Китай. В книге масса малоизвестных или совсем не известных широкой аудитории фактов, касающихся, например, конфликта между Китаем и Индией в начале 60-х годов прошлого века, судьбы генерала Пядышева – организатора обороны Ленинграда на Лужском рубеже, работы советского посольства в Индии.

Несомненный интерес представляют страницы книги, связанные с Санкт-Петербургским (Ленинградским) государственным университетом. В нем Л. И. Селезнев после дипломатической службы в Индии проработал более полувека доцентом, профессором, заведующим кафедрой, проректором по учебной работе. Значительная часть его научной и педагогической деятельности прошла в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук (ИПК) при университете. К сожалению, память об ИПК постепенно «увядает». Между тем этот Институт многое сделал для повышения квалификации преподавателей вузов России, союзных республик, а потом и ближнего зарубежья. В ИПК преподавали лучшие профессора ленинградских вузов, царила творческая атмосфера, диалоговая форма общения, уважительное отношение к слушателям, о чем многие из них ностальгируют до сих пор. Немалая заслуга в создании делового и доброжелательного климата в ИПК принадлежит Л. И. Селезневу. После закрытия Института повышения квалификации в 2008 г. Леонид Иванович преподавал на факультете социологии. Л. И. Селезневу заслуженно присвоено звание почетного профессора СПбГУ.

Представленная книга не является зеркальным отражением событий прошлого. В ней высвечивается яркая индивидуальность автора.

Мое знакомство с Л. И. Селезневым произошло в далеком 1966 г., когда я, проработав три года в Инженерно-экономическом институте, поступил в аспирантуру философского факультета. Хорошо помню первое впечатление о Леониде Ивановиче – его поразительную непохожесть на всех остальных профессоров. Позже, когда я работал непосредственно под руководством Л. И. Селезнева в течение тридцати лет в ИПК, в моем сознании произошло невольное «расщепление» этой самой «непохожести», своеобразия, на «составляющие компоненты». Взятые сами по себе в отдельности они как будто просты, но, органично слитые в единое целое, представляют то, что с полным основанием можно назвать индивидуальностью. Отмечу некоторые из них.

Прежде всего это естественность в поведении и отношениях с людьми. Вспоминается изречение древнекитайского мудреца Лао Цзы: «Человек, стоящий на цыпочках, долго не выстоит». Леонид Иванович никогда не вставал на эти самые «цыпочки», не пытался изображать из себя высокопоставленного чиновника. Всегда и везде, во всех ситуациях он оставался самим собой, что значительно отличало его от других.

Широчайшие и разнообразные знания, приобретенные в том числе и в результате дипломатического образования, дипломатической службы за границей, не были в нем атомизированы и раздроблены. Они были скреплены серьезной основательностью, фундаментальностью, крепким стержнем, противостоящими модным «ветрам и течениям». В этом отношении показательно содержание книги «Гражданское общество и государство: зарубежные модели политических систем». Книга была написана Леонидом Ивановичем, когда он был заведующим

кафедрой в ИПК, а в дальнейшем, в 2014 г., он ее дополнил и переработал – уже как преподаватель факультета социологии СПбГУ.

Важная черта Леонида Ивановича – четкая определенность в оценке поведения людей и происходящих событий. Ему было чуждо постмодернистское мнение о «равноценности всех социальных состояний». Читатель найдет в данной книге немало метких характеристик ряда руководителей и профессоров университета того времени. Эти его суждения распространялись и на более широкий круг людей, справедливость оценок поведения которых в дальнейшем подтвердило время.

Мы живем в сложную эпоху неопределенности и рисков, отсутствия социальных перспектив, что оборачивается крайне низкой оценкой ценностей жизни, неуверенностью человека во всем... Леонид Иванович, как мне представляется, принадлежал к тем редким людям, которые при всех социальных катаклизмах сумели понять суть происходящего и выработать по отношению к нему собственное мнение. Эта особенность Леонида Ивановича привлекала к нему многих ученых и просто окружающих его людей, в том числе и слушателей ИПК, которые и после ликвидации Института постоянно стремились к общению с ним.

Л. И. Селезнев обладал исключительными качествами истинного ленинградца-петербуржца: сдержанностью в проявлении своих чувств, глубокой внутренней культурой, уважением к людям, избирательным отношением к ним, проникнутым чувством объективной доброжелательности... Пережитое не могло не отразиться в его сознании. Как-то мимоходом Леонид Иванович сказал: «Я ничего не боюсь, ибо страшнее блокады Ленинграда ничего нет».

«Эпоху не выбирают», – написал известный поэт, и с ним нельзя не согласиться. Однако в каждую эпоху, как известно, люди ведут себя по-разному. Совместная работа с автором книги и его воспоминания убеждают нас: в любое время необходимо оставаться честным и порядочным человеком. Именно таким был и навсегда останется Леонид Иванович Селезнев в памяти всех, кому довелось с ним встречаться, общаться, работать.

*В. Я. Фетисов, д-р философских наук, профессор факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Труднее всего начать, особенно когда намерен что-то завершить. Так и я долго ходил вокруг да около, но вот выбрал «безвозвратный» день и заставил себя сесть за стол и писать. В этом проявилась и большая ответственность перед историей: в течение восьми десятилетий мне довелось быть свидетелем событий, о которых многие не знают или имеют о них неправильные представления. Например, в 2015 году достаточно широко отмечался 70-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне, современником которой я был в Ленинграде. Обратил внимание на то, что нигде не упоминалось имя одного из героев войны, генерала К. П. Пядышева, командующего Лужским оборонительным рубежом. Отмечался праздник и в Луге, а вот о командующем обороной скромно умолчали. Мне довелось знать Константина Павловича до войны и случайно услышать о его несправедливом конце в августе первого года войны. Память об этом замечательном советском командующем вызвала желание предать огласке то, что с ним случилось, поскольку кроме меня об этом вряд ли кто знает.

Но начнем строго в хронологическом порядке.

Предки и родственники

Мне повезло с самого начала: я родился в великой стране – Советском Союзе, в великом городе – Ленинграде, 14 декабря 1931 года, в родильном доме на Петроградской стороне (Малый проспект, дом 13–15). Позже родители говорили мне, что из роддома меня везли по Малому домой (ул. Ленина, дом 7) на конных санках: тогда, в зимних условиях, это был весьма распространенный вид транспорта.

Теперь – о родителях. Моя мать Наталия Ивановна Долгова (родилась в 1902 году) была смешанного происхождения: наполовину русская, наполовину эстонка. Муж младшей сестры матери Елены (1912 года рождения) Семен рассказывал мне, что отец матери Иван Степанович, вероятно, принадлежал к весьма зажиточной семье, имевшей свой дом в центре Таллина, на ул. Тыннесмяги. Дед, будучи студентом, познакомился с эстонской девушкой Лено Паульберг, служанкой в отчем доме, и влюбился в нее. Его родители были недовольны случившимся, и дед был вынужден покинуть родительский дом и уехать с возлюбленной в деревню около Рапла. Там, в деревне Раюша, и родилась их первая дочь Наташа. Брак по любви оказался плодовитым, всего у деда с бабушкой родилось шесть детей: три девочки (Наташа, Люба, Лена) и три мальчика (Владимир, Петр, Иван).

Когда именно семья Долговых переехала в Россию точно не известно, но по рассказам матери и тетушек, их детство прошло в уездном городке Вельегонск, на реке Молога, на самом севере современной Тверской области, где дедушка заведовал нефтехранилищем («Мазутом»), а бабушка крестьянствовала (у нее всегда была корова). В Вельегонске оказался и мой будущий отец Иван Федорович Селезнев. Он был не совсем местный – родился тоже за границей, в Финляндии, входившей тогда в состав Российской империи, – в Свеаборге, ныне Суоменлинна, островном форпосте Хельсинки, где в то время артиллеристом служил его отец Федор Егорович. Он был женат на местной белошвейке Ирине Дворецкой.

И все же в Вельегонске Ваня не был полностью чужим. В селе Мороцком, недалеко от Вельегонска, поколениями обитали знаменитые мороцкие плотники, специализировавшиеся на строительстве домов. К их артели и принадлежал его отец Федор.

Вероятно, в то беспокойное время Федор Егорович отправил молодую жену с сыном поближе к родственникам. Ваня рос без отца, с матерью, перебивавшейся случайными заработками. Ему пришлось работать с ранних лет – он был посыльным при аптеке, разносил лекарства. Говорил, что учился в школе два года. Считаю, именно по этой причине отличался превосходным, красивым и разборчивым почерком. Отец удивлял меня точностью ссылок на работы В. И. Ленина (дома имелось третье издание его сочинений), на том, где они были помещены, и страницы. Отец гордился тем, что был коммунистом «ленинского призыва», то есть вступил в партию в 1924 году. Истины марксизма-ленинизма были для него непререкаемыми.

Мама была беспартийной, но гордилась тем, что окончила Московский университет, где училась на химическом факультете. Ее учителями были крупнейшие ученые – С. И. Вавилов и Н. Д. Зелинский. Мама с удовольствием вспоминала, как катала по двору университета детскую коляску с ребенком Сергея Вавилова, что два великих ученых звали ее ласково Наташенькой. В этом не было ничего удивительного: студентка была настоящей русской красавицей, с великолепной косой толщиной в руку, которая ниспадала до колен. Мама отрезала косу только блокадной зимой 1941–1942 гг.: нечем было мыть голову.

Мои родители – Иван Федорович и Наталья Ивановна Долговы, 1927 г.

Из классических образцов мама больше всего напоминала Сикстинскую Мадонну Рафаэля. Она казалась несостоявшейся барыней: знала французский (у нее были две французские книги в старинных переплетах, которые она читала мне вслух) и восхищалась красотой французского языка. Обращаясь ко мне, она говорила: «Леня, пожалуйста, выучи французский». Но я выучил английский, о чем нисколько не жалею. Мама носила корсет из китового уса, который ее стройнил.

Высшее образование тогда тоже было в редкость: мама была авторитетом среди родных и знакомых. Особенно это проявилось во время войны, в бомбоубежище, когда мама была

вынуждена вмешиваться в разговоры, пресекая панику: ее слушались и соглашались с ней. Я не помню случая, когда женщины ослушались бы ее. У нее на столике стояла фотография Н. Д. Зелинского (в его неизменной черной плоской шапочке) с надписью «Дорогой Наташеньке». До войны мама много гуляла со мной, чаще всего – в саду имени Дзержинского (теперь это Лопухинский сад в конце Каменноостровского проспекта). Обычно мама садилась и читала книгу, а я бросал камни в Невку и смотрел, как туда-сюда по реке проходили буксиры «Некрасов» и «Камил де Мулен».

Тетушки были очень разные. Средняя, Люба, в середине 30-х носила юнгштурмовскую форму с портупеей и пела частушки: «Чушки-вьюшки-перевьюшки, Чан Кайши сидел на пушке, а мы ему по макушке – бац, бац, бац!» В годы блокады мы с Любой составляли «тандем» по распилке дров, походам по магазинам за пайком. Младшая Лёля (Елена) была стройной, веселой, остроумной, компанейской, не случайно она рано вышла замуж и с детьми уехала в начале войны в Чебоксары на Волгу. Ее муж Семен Наумович Судат был рабочим-электромонтажником на Балтийском заводе. Мы с Лёлей ходили на Васильевский остров встречать его на набережной. От тех встреч в памяти остались блестки на воде – от фонарей, тянувшихся по набережной.

Мы сдружились с Семеном. Он воплощал в себе лучшие черты квалифицированного рабочего, любил футбол, хорошо зарабатывал. Был награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями. Во время блокады, когда нам досталась плитка хорошего столярного клея, мама вспомнила Семена, сказала, что надо бы проведать его и написать Лёле. Из плитки сварили кисель, который в котелке тетя Люба вызвалась отнести Семену в стационар на Балтийском заводе. Идти надо было километров восемь в оба конца. Тётя Люба сказала, что дойдет.

Потом, после войны, Семен говорил, что визит Любы с котелком киселя из столярного клея спас ему жизнь. В дни блокады были и другие чудеса, на самом деле означавшие самый настоящий блокадный подвиг.

Васкелово

Мы жили в типичном ленинградском доходном доме, в коммунальной квартире № 7 (в доме № 15 по улице Ленина). Но наиболее яркие впечатления детства оставили у меня выезды на дачу. Отец считал их нужными, и ни одного лета мы не провели в городе. Конечно, впечатлений от жизни летом на даче было в разы больше, чем от жизни в городской квартире. Не знаю, кто «сосватал» отцу Васкелово, но его действительно не могли не привлечь тишь Лемболовских озер (отец был заядлый рыбак), безлюдье нетронутой природы (тогда Васкелово входило в пограничную зону, а к пограничной службе отец имел отношение), красота здешних мест.

Выезжали на лето в Васкелово с начала 30-х. Кстати, мои первые воспоминания относятся к эпизоду, который произошел в Гарболово (вблизи Васкелово). Мы с братом были дома, родители куда-то ушли. Вдруг в дом вошел странный человек – он размахивал руками и что-то мычал. Мы с братом наблюдали за ним из-под стола на веранде, куда успели спрятаться. Видимо, это был немой, который хотел узнать, как пройти куда-то. Мне тогда было полтора года, и весь этот эпизод стал первым потрясением, врезавшимся в память.

Второй эпизод относится к городским будням, когда приехала бабушка Лено, она привезла гофрированный бидончик с солеными рыжиками в подарок отцу, я видел ее в первый и последний раз и хорошо запомнил. По-русски она говорила плохо. Мне еще не было двух лет, то есть это было осенью 1933 года.

Братья-«авиаторы» Владимир (слева) и я, 1935 г.

В Васкелово мы жили в двух местах: сначала у Аннушки, напротив комендатуры, а позже, после 1938 года, на хуторе у Хемилейнена. Аннушка была финкой. Ее интересным свойством было то, что иногда она внезапно исчезала, и мы знали куда – к родственникам в Финляндию. В таких случаях мы были обречены на обет молчания, а на маму ложились дополнительные

обязанности ухода за крестьянским хозяйством, в частности за коровой и овцами. Мама все это умела. Походы Аннушки «туда» не были односторонними: «оттуда» приходил брат Аннушки, которого никто не видел, он выбирал время, когда мы еще не приехали на дачу или уже уехали (весной, осенью).

Где-то рядом жила семья майора Захарова, которая запомнилась тем, что их сын – примерно нашего возраста – однажды буквально «накрыл» лопатой лису, которая повадилась в аннушкин погреб: мы все ему завидовали. Погреб был интересным местом, там было всегда холодно, потому что зимой туда завозили лед с озера, посыпали его опилками и создавали летний холодильник, где хранились молоко и прочие продукты. А еще запомнился случай, когда петуху отрубили голову: он замахал крыльями и уселся на нижнюю ветку сосны, стоявшей во дворе, потом как-то сник, перевернулся вниз шеей, с которой капала кровь, ослабил хватку и камнем упал на траву.

Переезд на хутор Хемиляйнен был связан с драматическими событиями. В ночь на 1 мая 1938 года белофинны вырезали 8-ю заставу на Приморском шоссе. Отец рассказывал, что финны вырезали всех женщин и детей и написали кровью на заборе: «Да здравствует 1 Мая!» В результате все проживающие вдоль границы финны были переселены в другие места Ленинградской области.

Помню, как весной (очевидно, в мае 1938 г.) отца послали в командировку «на границу», он взял меня, и машина остановилась на шоссе, чуть дальше кирхи, стоявшей на территории 6-й комендатуры, то есть чуть повыше моста между Средним и Нижним Лемболовскими озерами. Мне показали, как по поверхности озер плывут какие-то холмики. Взрослые рассказывали, что перед отъездом с насиженных мест финны утопили свой скот и теперь он всплыл на поверхность.

В те же дни к нам в квартиру на Ленина пришла Аннушка, принесла бидончик с молоком и сказала, что ее переселили под Всеволожск, что ехать к нам очень неудобно и потому она не будет приезжать. Оставила свой адрес и уехала. Больше мы Аннушку не видели.

Уже по весне мы переехали на хутор Хемиляйнен на берегу Лемболовского озера, в стороне от комендатуры. 6-я комендатура была кавалерийской, и нас, естественно, тянуло туда. Пограничники были заметно старше нас, и очень спокойно и неторопливо объясняли нам, как наводить на цель бинокль или разбирать-собирать винтовку. Однажды, отец сказал, что в пограничники призывают вместе с лошадьми. Для нас с братом всегда было интересно смотреть, как проходили «джигитовки»: на специально выбранном плацу устанавливались столбики, в них втыкались ветки – побеги ивняка, и солдаты на всем скаку ловко срубали их шашками, промахов почти не было.

Хутор Хемиляйнен представлял собой странное зрелище: метрах в 10–15 от булыжного шоссе, что шло над Лемболовским озером, стоял обыкновенный сельский дом с колодцем рядом. Между домом и шоссе возвышалась двускатная крыша, опиравшаяся прямо о землю (стен не было). Крыша укрывала все хозяйство. Видно, там содержался скот, были заметны и прочие остатки деятельности владельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.